

АЛЕКСЕЙ БОРОДА

ВОПРОСЫ
ЗАДАЁТ
ВЫЖИВШИЙ

Алексей Борода

Вопросы задаёт выживший

«Автор»

2026

Борода А.

Вопросы задаёт выживший / А. Борода — «Автор», 2026

Журналист Андрей Ветров привык задавать вопросы, на которые опасные люди не хотят отвечать. Опыт службы в ОМОНе научил его замечать угрозу раньше, чем противник успевает нанести удар. Но новое расследование оказывается связано не только с хищением двухсот миллионов из фонда помощи семьям погибших силовиков. Избит редактор, убит свидетель, исчез бухгалтер, а неизвестные охотятся за картой памяти, случайно оказавшейся у Ветрова. Собранные на ней документы указывают на тайную группу бывших силовиков. По официальным данным, все они давно мертвы. Один из них когда-то спас Андрею жизнь. Чтобы раскрыть правду, Ветрову придётся разобраться, кому можно доверять, встретиться с собственным прошлым и выжить в расследовании, где каждый правильный вопрос приближает следующую пулю.

© Борода А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12

Алексей Борода

Вопросы задаёт выживший

Глава 1

Редактора избили во вторник, свидетеля утопили в четверг, а в пятницу ко мне пришли поговорить о журналистской этике.

Для меня всё началось во вторник, когда Павел Орлов позвонил в половине двенадцатого ночи и попросил приехать в редакцию.

Орлов никогда никого не просил. Он отдавал распоряжения, делал замечания и сообщал, что материал следовало сдать ещё вчера. Просьба в его исполнении звучала как признание чрезвычайного положения.

— Что случилось? — спросил я.

В трубке что-то шуршало. Потом раздался скрип двери.

— Андрей, ты один?

— Пока да. Но если будешь говорить таким голосом, приглашу священника.

— Не шути. Приезжай через чёрный вход. И проверь, нет ли хвоста.

Связь оборвалась.

За пятнадцать лет журналистики я слышал испуганные голоса чиновников, бизнесменов и свидетелей, которые внезапно понимали, что их охраняют те же люди, от которых следовало спастись. Орлов не боялся даже налоговой проверки. Поэтому через десять минут я уже ехал к редакции.

Ночной город выглядел честнее дневного. Дождь смыл рекламную пыль, витрины погасли, а люди, которым нечего было скрывать, давно сидели по домам. В зеркале заднего вида держалась белая «Киа». Она повторила за мной два поворота, но на третьем ушла к набережной. Либо случайность, либо наблюдатель, которому не хотелось выглядеть наблюдателем.

Я оставил машину в двух кварталах от редакции и прошёл дворами. Старые привычки иногда полезнее новых знакомств.

Чёрная дверь была приоткрыта. Замок не сломан. На мокром асфальте лежала раздавленная сигарета, ещё тлевшая. Орлов бросил курить пять лет назад и с тех пор преследовал курильщиков с яростью человека, однажды сумевшего победить себя.

Я вошёл боком, не подставляя корпус дверному проёму.

В служебном коридоре горела одна лампа. Стеклопанная перегородка отдела новостей отражала пустые столы. Где-то капала вода — ровно, через три секунды, будто отсчитывала время.

— Павел?

Ответа не было.

Я прошёл мимо кухни и увидел его возле лестницы. Орлов сидел на полу, привалившись к батарее. Очки валялись у стены. Белая рубашка потемнела от крови у воротника, левая рука лежала под неестественным углом.

Я опустился рядом.

— Кто?

— Позже, — выдохнул он. — Карман.

Я проверил внутренний карман его пиджака. Пусто.

— Нет ничего.

— Не мой. Твой.

Он схватил меня за ворот куртки. Пальцы у него были липкими от крови. Орлов подтянул меня ближе, словно собирался сообщить последнюю редакторскую правку.

— Фонд «Щит». Двести миллионов. Морозов знает счета.

— Какой Морозов?

— Бухгалтер. Найди его раньше них.

Из темноты за лестницей донёсся металлический щелчок.

Я развернулся, закрывая Орлова корпусом. Никого. Только дверь архива медленно возвращалась на место. Тот, кто стоял там, уже ушёл через запасной выход.

Я вызвал скорую и полицию. Пока ждали, Орлов то приходил в себя, то проваливался в темноту. Один раз он снова потянулся к моей куртке, но ничего не сказал. Я решил, что он просто мёрзнет, и накрыл его полкой. Позже вспомнил этот жест. Гораздо позже, чем следовало.

В больнице врачи насчитали у него два сломанных ребра, перелом руки и сотрясение. Убийца из нападавшего получился неважный. Возможно, убивать и не собирались. Люди, которые хотят получить сведения, берегут собеседника до последнего ответа.

Утром я нашёл фонд «Щит».

На фотографиях с благотворительных вечеров его директор вручал вдовам цветы, улыбался губернатору и пожимал руки людям с такими честными лицами, что хотелось пересчитать ложки. Фонд собирал деньги на жильё, лечение и образование детей погибших силовиков. За три года через его счета прошло больше миллиарда рублей.

Двести миллионов исчезли между двумя отчётами.

Платежи дробились на небольшие суммы и уходили подрядчикам с названиями, похожими на команды для служебных собак: «Барьер», «Рубеж», «Форпост». Все компании имели разные адреса, но документы за них подавал один человек — Алексей Павлович Морозов, главный бухгалтер фонда.

На работу Морозов не вышел. Телефон отключил. Соседка сообщила, что ночью он уехал с двумя мужчинами и чемоданом.

— Добровольно? — спросил я.

— А кто сейчас добровольно ездит с мужчинами в одинаковых куртках? — ответила соседка и захлопнула дверь.

Первого свидетеля я нашёл через старую базу ГИБДД. Сергей Руденко числился владельцем фирмы «Форпост», хотя последние двенадцать лет ремонтировал холодильники. Он согласился встретиться, когда я назвал сумму одного из переводов.

— Я ничего не подписывал, — сказал он. — И вообще этой фирмы не знаю.

— Тогда вам будет интересно посмотреть, сколько она заработала вашим именем.

Мы договорились на четверг, на семь утра, возле речного вокзала. В шесть сорок Руденко уже лежал в воде между бетонными опорами. Полиция решила, что он напился и сорвался с набережной. В его крови действительно нашли алкоголь.

Только Руденко не пил восемь лет. Об этом мне сказала его жена, пока на кухне остывал чай, а в соседней комнате ребёнок спрашивал, когда вернётся папа.

К вечеру четверга я отправил запросы в фонд, прокуратуру и управление собственной безопасности. Ответов не получил. Зато дважды заметил белую «Киа»: сначала возле редакции, потом у больницы Орлова.

В пятницу я навестил редактора. У палаты дежурил сержант, которого я раньше не видел. На стуле возле двери стоял прозрачный пакет с вещами Орлова.

— Забрать приехали, — объяснил сержант.

— Кто?

— Следователь.

— Фамилия?

Сержант задумался. Настоящие полицейские обычно начинают думать до того, как отдают вещдоки.

— Сейчас уточню.

Я вошёл в палату. Орлов спал под капельницей. На тумбочке лежали его часы, но телефона не было. На запястье синел след от пальцев — кто-то держал его слишком крепко уже после избиения.

Когда я вышел, пакет исчез. Вместе с сержантом.

В отделении мне сообщили, что охрану к Орлову не выставляли.

После этого я окончательно перестал считать происходящее совпадением.

Домой я вернулся около десяти вечера. Лифт не работал. На первом этаже пахло краской, хотя ремонт закончили месяц назад. Поднимаясь, я услышал наверху приглушённый мужской смех.

Их было трое. Они ждали у моей двери, стараясь выглядеть как жильцы дома. Получалось плохо. Жильцы не носят одинаковые чёрные куртки и не прячут руки так, будто в каждой ладони зажато по уголовному делу.

Один стоял у окна. Молодой, широкоплечий, с короткой стрижкой и разбитыми костяшками. Второй подпирал стену напротив двери. Шея у него начиналась сразу от ушей. Третий держался чуть в стороне, возле лестницы. Худой, спокойный, руки пустые и на виду.

Последний мне не понравился больше остальных.

— Вы к кому? — спросил я.

Тот, что стоял посередине, улыбнулся.

— К тебе, писатель.

— Ошиблись этажом. Писатель живёт выше. Я журналист. Пишу короче, а неприятностей доставляю больше.

— Откроешь дверь — поговорим.

— Здесь говорят. Акустика хорошая, соседи любознательные.

Молодой оттолкнулся от окна.

— Не усложняй.

— Я расследую исчезновение двухсот миллионов. Усложнять начали до меня.

На лице среднего на миг появилось раздражение. Значит, сумма попала точно. Они знали о фонде.

— Нам нужна вещь, которую тебе передал Орлов, — сказал он.

— Простуда? Он кашлял прямо на меня.

— Не заставляй повторять.

— Повторение полезно для дикции.

Молодой двинулся первым. Правое плечо едва заметно ушло назад — за мгновение до удара. Когда несколько лет проработаешь в ОМОНе, начинаешь читать плечи лучше, чем передовицы.

Он метил мне в челюсть.

Я качнулся влево. Кулак прошёл у самого носа, взьерошив воздух. Я прихватил его запястье правой рукой, левой прижал локоть и шагнул за его ногу. Бросать через бедро не стал: в тесном коридоре можно было зацепиться за перила. Я добавил ему скорости, направил мимо себя и доверил дальнейшее дверному косяку.

Лоб встретился с деревом коротким глухим стуком.

— Осторожнее, — сказал я. — Дверь казённая.

Парень сполз на колено, но сознание не потерял. Крепкий. Он попытался ухватить меня за куртку. Я отвёл его руку, толкнул плечом поперёк коридора и на секунду перекрыл им дорогу среднему.

Тот оказался умнее. Не полез кулаками, а выдернул из рукава короткую телескопическую дубинку. Металл щёлкнул, вытягиваясь.

— Вот теперь, — сказал он, — мы поговорим серьёзно.

— А до этого была художественная часть?

Он ударил сверху, рассчитывая раскроить мне темя. Я отступил. Дубинка высекла крошку из стены. По руке противника прошла отдача, и его локоть на мгновение распрямился.

Я мог рвануться вперёд, но третий всё ещё стоял возле лестницы. Спокойные люди в драке опасны. Они не тратят движения и вступают тогда, когда остальные уже сделали за них половину работы.

Средний вернул дубинку и повёл её сбоку. Я нырнул под удар. Металл чиркнул по волосам. Войдя вплотную, прижал его вооружённую руку к своему плечу. На такой дистанции дубинка превращается в дорогую антенну.

Я ударил основанием ладони под подбородок. Голова дёрнулась назад. Тут же пробил коротким левым под рёбра — без замаха, на одном повороте корпуса. Воздух вылетел из него с тихим «ух».

Я зажал его кисть у себя под мышкой и развернулся. Запястье хрустнуло негромко, почти вежливо. Дубинка упала на линолеум.

— Переговоры идут успешно, — сказал я.

Он ответил коленом. Удар пришёлся в бедро, и нога на секунду онемела. Я оттолкнул его, но слишком медленно. Молодой уже поднялся. Кровь текла у него из рассечённой брови. Он пошёл вперёд без красивых стоек, прикрывая голову и стараясь зажать меня между собой и стеной.

Первый удар я принял на предплечья. Второй прошёл ниже и задел печень. В боку вспыхнула тупая боль. Старое ранение тут же напомнило, что у организма память лучше моей.

Молодой увидел, как я поморщился, и улыбнулся.

— Больно, дед?

— Нет. Просто вспомнил, что забыл выключить утюг.

Он ударил снова, теперь в живот. Я убрал корпус назад, пропуская кулак в сантиметре от куртки, и одновременно шагнул ему наружу за правую ногу. Мой локоть лёг поверх его предплечья. Я надавил вниз, развернул плечи и встретил его скулой о стену.

На этот раз он упал полностью.

Средний полез за дубинкой здоровой рукой.

Я наступил на металлическую рукоять.

— Не жадничай. Ты уже наигрался.

Он схватил меня за голень. Я высвободил ногу и толкнул его каблуком в плечо. Без замаха — лишь чтобы отодвинуть. Он отлетел к батарее и сел, прижав повреждённую кисть к груди.

Третий до сих пор не вмешивался.

— Неплохо, — сказал он.

— Для журналиста?

— Для бывшего мента.

Это слово меня заинтересовало. В редакционных справочниках моя прежняя служба не значилась. О ней знали коллеги, старые сослуживцы и люди, которые собирали сведения перед визитом.

— Вы хорошо подготовились, — сказал я.

— Недостаточно хорошо. Нам сказали, что ты постарел.

— Я работаю над этим ежедневно.

Он вытащил нож. Не кухонную игрушку, а узкий клинок с матовым лезвием. Держал обратным хватом, локоть не оттопыривал, взгляд направлял мне в грудь. Похоже, тренировался не на мешках.

Я сместился так, чтобы стена оказалась слева, а перила — справа. Пространства было мало. С ножом это плохо для обоих, но у него имелось преимущество в пятнадцать сантиметров стали.

— Отдай карту, — сказал он.

Вот и предмет разговора.

— Какую?

— Которую Орлов положил тебе в куртку.

Я вспомнил пальцы редактора на воротнике и его хриплое: «Не мой. Твой». В тот момент я решил, что речь идёт о кармане. Теперь понял, что он говорил о самой куртке.

— Вы напрасно испортили сюрприз, — сказал я. — Я собирался узнать об этом в финале.

Ножевик шагнул вперёд и обозначил выпад к животу. Я не поверил. Настоящий удар пришёл сверху, к шее. Я поднял предплечье, встретил его руку снаружи и отвёл клинок мимо уха. Лезвие царапнуло штукатурку.

Он сразу развернул кисть, пытаясь полоснуть меня на обратном движении. Я отшатнулся. Кончик ножа прошёл перед глазами серебряной чертой и распорол воротник куртки. Холодный воздух коснулся кожи.

Ему почти удалось.

Я отступил ещё на шаг. Каблук упёрся в лежащую дубинку. Позади начиналась лестница, справа были перила, слева стена, впереди — человек, который двигался слишком экономно. Свободного пространства не оставалось.

Значит, требовалось его создать.

Я носком поддел дубинку. Она покатила под ноги ножевику. Он машинально глянул вниз — всего на четверть секунды. В драке четверть секунды иногда длиннее человеческой жизни.

Я ударил его ботинком в колено. Не прямо, а сбоку. Нога подломилась. Он просел, сохранив равновесие, и выбросил нож снизу вверх.

Я развернул таз. Клинок прошёл вдоль живота и зацепил ткань свитера. Я перехватил его запястье обеими руками, прижал к стене и повёл вниз. Он не стал мериться силой. Шагнул ко мне и ударил лбом в лицо.

Я успел убрать нос, но удар пришёлся в скулу. В глазах вспыхнул белый свет. Колени стали мягкими, а подъезд на миг качнулся вместе со стенами.

Ножевик усмехнулся.

— Стареешь, командир.

— Зато ты молодеешь. Уже на коленях ползаешь.

Я наступил каблуком ему на стопу и одновременно потянул вооружённую руку вниз. Он дёрнулся от боли. Этого хватило, чтобы я врезал локтем ему в висок. Первый удар оглушил. Второй я остановил в сантиметре от его лица.

Он замер.

— Брось нож.

— Пошёл ты.

Я чуть усилил давление на кисть. Клинок задрожал.

— Это хороший ответ для анкеты. Но вопрос был с практической частью.

Нож звякнул о пол.

И тут очнулся молодой.

Он обхватил меня сзади, прижал руки к корпусу и попытался оттащить от напарника. Я опустил подбородок, не давая провести удушение, расширил стойку и ударил затылком назад. Он отвернул лицо, поэтому вместо носа я попал в щёку. Хватка ослабла, но не исчезла.

Молодой сцепил пальцы у меня на груди. Сильнее, чем выглядел. Я не стал разрывать замок руками. Опустил локоть на его предплечье, одновременно наступил ему на подъём стопы и перенёс вес вперёд. Потом резко присел, подбил тазом его бедро и повернул плечи.

Он перелетел через меня и приземлился спиной на владельца ножа. Оба выругались — каждый своим голосом, но вполне гармонично.

Средний снова потянулся к дубинке.

Я поднял её первым.

— Лежать.

— Ты не посмеешь, — прохрипел он.

— Я расследую хищение двухсот миллионов, два нападения и убийство, которое называют несчастным случаем. Как думаешь, что именно я не посмею?

Он посмотрел на меня, потом на дубинку и передумал вставать.

Я перевёл дыхание. Скула ныла, бок горел, воротник был разрезан, костяшки саднили. На полу лежали трое крепких мужчин, а мой диктофон всё ещё работал в нагрудном кармане. Красный индикатор мигал под тканью.

Я присел перед ножевиком.

— Кто вас прислал?

— Никто.

— Замечательно. Три независимых читателя одновременно пришли выразить мнение о моей статье.

Он молчал.

— Название фонда ты слышал, — продолжил я. — Про Орлова знаешь. Про мою службу тоже. Кто дал справку?

— Ты задаёшь слишком много вопросов.

— Мне за это платят. Иногда.

Я вынул диктофон и показал красный огонёк.

— Наша беседа записана. Особенно удачным получилось место про куртку и карту. Значит, вы знали, что искать. Осталось выяснить, откуда.

Улыбка сошла с его лица.

— Запись ничего не доказывает.

— Согласен. Зато она задаёт правильные вопросы. А правильный вопрос действует надёжнее кулака. Кулак ломает зубы, вопрос — алиби.

Человек у батареи вдруг рассмеялся. Смех сразу превратился в кашель.

— Ты думаешь, тебя теперь оставят?

— Очень надеюсь, что нет. Иначе расследование получится скучным.

— Ты уже покойник.

— Тогда разговаривать со мной безопасно. Мёртвые не дают показаний.

На лестнице хлопнула дверь. Кто-то из соседей наконец вызвал полицию. Снизу донеслись тяжёлые шаги и короткие команды.

Я поднялся и поправил разрезанный воротник. Под пальцами что-то хрустнуло. Не ткань — тонкий твёрдый прямоугольник, спрятанный между подкладкой и кожей. Орлов не ошибся. Карта всё это время была при мне.

Я не стал её доставать.

— Что теперь? — спросил молодой, зажимая разбитую бровь.

— Теперь вы скажете, что упали с лестницы.

— Все трое?

— Дом старый. Лестницы здесь очень убедительные.

Первым на площадке появился капитан с пистолетом. За ним — двое патрульных. Я положил дубинку на пол и поднял руки.

— Оружие отбросить! — приказал капитан.

— Уже отбросили. Я просто следил, чтобы оно не убежало.

Он посмотрел на нож, на дубинку, на троих мужчин и на меня.

— Кто начал?

— Они пришли поговорить о журналистской этике.

— И как прошло?

Я посмотрел на мигающий огонёк диктофона, затем на разрезанный воротник. Карта памяти тихо давила на ключицу, словно напоминая, что драка была только предисловием.

— Сначала отвечали уклончиво, — сказал я. — Потом разговор стал заметно содержательнее.

Глава 2

Из участка меня выпустили в два снадцать ночи. Трое моих гостей остались внутри, но ненадолго: к ним уже приехали два адвоката и человек с лицом, которому полагался отдельный служебный автомобиль.

Карту памяти я не отдал.

Про неё спрашивали дважды. Сначала следователь, потом незнакомый майор, вошедший в кабинет без стука. Я показал разрезанный воротник, пожаловался на дороговизну хороших курток и сообщил, что нападавшие искали несуществующую вещь.

Лгать полиции нехорошо. Ещё хуже — говорить правду полицейскому, которого впервые видишь в два часа ночи рядом с чужим делом.

На улице моросил дождь. Моя машина стояла у дома, телефон разрядился, а до ближайшего круглосуточного кафе было три квартала. Я собирался идти пешком, когда у тротуара мигнули фары тёмно-синего седана.

Задняя дверь открылась.

— Андрей Ветров? — спросил женский голос.

— Зависит от причины.

— Причина сидит в тёплой машине и предлагает вам кофе.

— Тогда Ветров временно здесь.

Я не сел. Сначала посмотрел на водителя. Женщина была одна.

Она вышла из машины, и на несколько секунд дождь стал самым незначительным событием этой ночи.

Высокая — без каблуков около ста семидесяти пяти, — она держалась прямо, но не выставляла осанку напоказ. Тёмно-каштановые волосы были собраны на затылке, несколько влажных прядей легли на виски. Широкий лоб, прямые брови, серо-зелёные глаза, которые замечали больше, чем обещали. Тонкий нос казался слишком строгим, пока она не улыбнулась. Тогда строгость исчезла, а осторожность осталась.

На ней было светлое пальто простого кроя, застёгнутое до горла. Под воротником виднелась чёрная блузка. Узкие брюки, тёмные кожаные ботинки на низком каблуке — дорогие, но пригодные для быстрого бега. На левом запястье часы без камней, на правой руке одно серебряное кольцо. Никаких ярких украшений. Красивые женщины обычно знают, что лишний блеск только отвлекает от главного.

Ей было около тридцати двух. Возраст, в котором лицо ещё ничего не скрывает, но его хозяйка уже умеет скрывать всё остальное.

— Осмотр закончен? — спросила она.

— Предварительный. Для окончательного понадобится хорошее освещение.

— Вы всегда так знакомитесь?

— Обычно мне сначала представляются.

— Софья Воронцова.

Она произнесла имя без паузы, словно пользовалась им давно. Руку не протянула.

— Чем обязана мне эта ночь, Софья Воронцова?

— Это я должна была спросить. Три дня назад вы заинтересовались фондом «Щит». С тех пор избит Павел Орлов, погиб Сергей Руденко, исчез бухгалтер Морозов, а возле вашей квартиры задержали троих мужчин.

— Вы хорошо следите за новостями.

— Я составляла финансовые отчёты фонда.

Теперь кофе звучал интереснее.

Я сел на пассажирское место. В салоне пахло кожей, дождём и дорогим парфюмом с лёгкой горечью. В подстаканнике стояли два бумажных стакана. Один она передала мне.

— Без сахара, — сказала Софья.

— Откуда вы знаете?

— Мужчина, который шутит после драки с тремя вооружёнными людьми, либо пьёт кофе без сахара, либо нуждается в лечении.

— Одно другому не мешает.

Она завела двигатель, но с места не тронулась.

— У вас есть карта.

Я отпил кофе. Он оказался горячим и действительно без сахара.

— У меня есть несколько банковских карт. Все почти пустые.

— Карта памяти, которую Орлов спрятал в вашей куртке.

— Об этом знают слишком многие.

— Пока пятеро. Вы, я, Орлов и двое людей, которые отдали приказ её найти.

— На лестнице было трое.

— Исполнителей я не считала людьми, принимающими решения.

Софья посмотрела на меня. Серо-зелёные глаза не улыбались.

— Откуда вы знаете, что сделал Орлов?

— Я передала карту ему.

Дождь ровно шуршал по крыше.

— Значит, из-за вас он оказался в больнице.

— Из-за тех, кто украл деньги.

— Удобная арифметика.

Она приняла удар молча. Только пальцы сильнее сжали руль.

— Орлов согласился помочь сам. Он должен был сделать копию и передать оригинал вам.

Но за ним следили. Когда я поняла, что произошло, было поздно.

— Почему не пришли в полицию?

— Пришла. Через два часа после моего заявления директор фонда уже знал каждое слово.

— Тогда почему пришли ко мне?

— Потому что вы не умеете вовремя останавливаться.

— Наконец-то рекомендация, которой можно гордиться.

Софья достала из кармана сложенный листок и положила на панель. На нём были написаны четыре слова и три цифры:

«Вектор. Уровень минус три. 317».

— Что это?

— Бизнес-центр на набережной. Номер парковочного бокса. Морозов арендовал его на чужое имя.

— Морозов там?

— Вчера был. Сегодня вечером прислал сообщение: «Если со мной что-то случится, откройте триста семнадцатый».

— И вы решили сначала заехать за человеком с разбитой скулой.

— У человека с разбитой скулой есть ключ.

Она показала на мой воротник.

В подкладке рядом с картой памяти обнаружился плоский электронный пропуск. Я вытащил его ещё в туалете участка, когда майор слишком настойчиво расспрашивал о вещах Орлова. На сером пластике не было ни имени, ни фотографии — только цифры 0317.

— Вы знали и про ключ?

— Я знала Орлова.

— Это разные вещи.

— Сегодня ночью — одна и та же.

Она включила передачу.

— Поедем?

— Сначала договоримся. Если вы снова соврётё, я выйду.

— На ходу?

— Зависит от качества лжи.

Бизнес-центр «Вектор» стоял на набережной чёрным стеклянным утюгом. Верхние этажи не горели. У служебного въезда дремал охранник, но Софья приложила пропуск к считывателю, и шлагбаум поднялся.

— Ваш пропуск ещё действует? — спросил я.

— Меня уволили восемь дней назад. В России быстрее меняют директора, чем список доступа.

Мы спустились на третий подземный уровень. Лампы включались секциями перед машиной и гасли позади. С каждой минутой мне всё меньше нравилась экономия электричества.

Софья остановилась у лифта.

— Боксы в дальнем ряду. Я проверю помещение охраны.

— Мы приехали вместе.

— Если там Морозов, он может испугаться мужчины вашего размера.

— Мой рост метр девяносто. Я не страшный, я заметный.

— В этом пальто вы похожи на человека, который пришёл вернуть долг вместе с процентами.

— А вы?

— На женщину, которой должны больше.

Она ушла к стеклянной будке охраны. Я направился вдоль ряда бетонных колонн.

Номера были нанесены чёрной краской на жёлтые полосы. Триста двенадцать. Триста четырнадцать. Триста шестнадцать.

Триста семнадцатый бокс находился за поворотом, возле пожарного шкафа. Металлическая дверь была приоткрыта на ширину ладони. Свет внутри не горел.

Я остановился в трёх шагах.

— Алексей Павлович?

Из темноты никто не ответил.

Зато за моей спиной медленно захлопнулась противопожарная дверь.

Я обернулся.

Человек, стоявший между мной и выходом, был размером с дверной проём и выглядел так, будто дверной проём первым начал ссору.

Ростом он был чуть выше двух метров. Позже я узнал точную цифру — двести три сантиметра. Сейчас хватало общего впечатления.

На его макушке темнел короткий жёсткий ёжик с проседью. Череп крупный, затылок плоский, над правым виском белел старый рубец. Тяжёлые надбровные дуги нависали над маленькими светлыми глазами. Нос когда-то был прямым, но несколько встреч с чужими кулаками убедили его изменить направление. Уши смяты, как у борца. Нижняя челюсть широкая, подбородок квадратный, шея толщиной с моё бедро.

Плечи растягивали серую куртку так, что ткань собиралась складками под мышками. Грудь начиналась почти от подбородка. Руки свисали вдоль корпуса спокойно, но каждая была похожа на отдельного сотрудника службы безопасности. Кисти огромные, пальцы короткие, костяшки плоские и покрытые старыми шрамами. Если такими руками брать чашку, чашке следовало заранее написать завещание.

Талия у него всё-таки имелась, хотя обнаружить её было непросто. Под тёмными джинсами угадывались тяжёлые бёдра. Правая нога чуть развёрнута наружу. На колене под тканью проступал край эластичного фиксатора. Ботинки сорок восьмого размера стояли широко и устойчиво.

Он был не толстым. Он был собран из слишком крупных деталей.

При моём росте в метр девяносто я редко смотрел на людей снизу вверх. Ощущение оказалось новым и сразу не понравилось.

— Ветров? — спросил гигант.

Голос у него был спокойный и неожиданно негромкий.

— Смотря кто интересуется.

— Глеб.

— А фамилия?

— Тебе хватит имени.

— Согласен. Для надгробия даже экономно.

Глеб улыбнулся. Улыбка была неторопливой и почти доброй.

— Про тебя сказали: высокий, острый язык, считает себя быстрым.

— Про тебя сказали только «большой». Остальное не поместилось в сообщении.

Он сделал шаг.

Не человек пошёл вперёд — приблизилась стена.

Я сместился вправо, чтобы между нами оказалась бетонная колонна. Глеб повторил движение. Он не бросался. Значит, не просто вышибала. Глупые здоровяки спешат воспользоваться размером. Умные знают, что размер никуда не денется.

— Отдай карту, — сказал он. — Разойдёмся спокойно.

— Я уже слышал это предложение. Отдел рекламы у вас ленивый.

— Те трое были дешёвые.

— А ты, значит, премиальный тариф?

— Я исправляю чужие ошибки.

— Тогда начни с куртки. Воротник испорчен.

Он ударил без предупреждения.

Правый кулак пошёл коротко, почти без замаха. Я успел убрать голову. Воздух толкнул щеку, а костяшки врезались в колонну. Глеб даже не поморщился. На бетоне остался серый след.

Я пробил дважды: левой в корпус, правой под рёбра. Вложилась ровно настолько, чтобы проверить реакцию.

Реакции не было.

Так иногда стучат в дверь пустого склада.

Глеб опустил взгляд на место удара.

— Уже всё?

— Разминка. Я ждал, когда ты заметишь.

Он выбросил левую. Я ушёл наружу, но второй рукой он не бил — схватил меня за плечо. Пальцы сомкнулись через пальто, как зажимы. Я ударил предплечьем по его кисти, развернулся и попытался выскользнуть.

Поздно.

Глеб дёрнул меня на себя. Пол исчез из-под ног. Я врезался спиной в капот припаркованной машины. Сработала сигнализация. Красные огни замигали по стенам.

— Не моя машина, — сказал я, возвращая воздух в лёгкие. — Но хозяин будет расстроен.

— Ты много говоришь.

— Компенсирую разницу в весе.

Он ударил сверху. Я перекатился по капоту. Кулак вмял металл там, где секунду назад находились мои рёбра. Лобовое стекло задрожало.

Я соскочил с другой стороны машины. Между нами оказалась крыша. Глеб посмотрел через неё, как взрослый смотрит на ребёнка, спрятавшегося за табуретом.

— Бегать будешь?

— Пока ты оплачиваешь кузовной ремонт.

Он обошёл машину слева. Я пошёл вправо. Он сменил направление. Мы сделали пол-круга под вой сигнализации.

Глеб устал первым — не физически, а морально. Он положил обе ладони на крышу и толкнул машину. Стоявший на передаче седан качнулся и сдвинулся на несколько сантиметров.

— Убедил, — сказал я. — Ты сильный. Теперь покажи что-нибудь полезное.

Он рванулся вокруг капота. На этот раз быстро. Для человека его размеров — слишком быстро.

Я встретил его ударом в челюсть и сразу ушёл в сторону. Голова Глеба повернулась на несколько градусов. Этого оказалось достаточно, чтобы вселить надежду, но недостаточно, чтобы сохранить её.

Ответный удар пришёлся в предплечья. Я прикрыл голову, но меня всё равно отбросило к колонне. Локти онемели до пальцев.

Глеб не дал восстановиться. Шагнул ближе и ударил в живот.

Я напряг пресс и повернул корпус. Это спасло внутренности, но не дыхание. Воздух вылетел из лёгких. Пол поднялся навстречу. Я опустился на одно колено.

— Карта, — напомнил он.

— Сейчас. Только найду подарочную упаковку.

Он протянул руку к воротнику.

Я ударил снизу локтем по внутренней стороне предплечья, вскочил и врезал лбом ему в нос. Приём был некрасивый, зато красота уже ждала возле лифта.

Нос Глеба хрустнул. Из ноздри потекла кровь.

Он провёл пальцем по верхней губе, посмотрел на красное пятно и вздохнул.

— Зря.

— Мне тоже не понравилось. У тебя твёрдая голова.

Глеб пошёл вперёд.

Теперь осторожность исчезла. Он бил сериями, тяжело, но без лишних движений. Я пропустил первый кулак над плечом, второй отвёл ладонью, третий задел висок. Свет в гараже мигнул. Пол качнулся.

Я ответил в корпус, затем в подбородок. Он принял оба удара и обхватил меня поперёк груди.

Его руки сомкнулись за спиной.

Рёбра затрещали. Ноги оторвались от пола. Перед глазами оказалась застёжка его куртки, большая и неинтересная.

— Теперь не убежишь, — сказал Глеб.

— Ты так говоришь на всех первых свиданиях?

Я ударил ладонями по его ушам. Хватка дрогнула. Тогда я поднял колено, упёрся ботинком в его бедро и оттолкнулся всем телом. Мы потеряли равновесие. Глеб сделал шаг назад, его правая нога подвернулась.

Я почувствовал это раньше, чем увидел.

Колено.

У каждого большого человека есть деталь, которая однажды не выдержала остального веса. У Глеба такой деталью была правая нога.

Я вывернулся из захвата и ударил сбоку по внешней стороне колена. Не сильно, но точно. Глеб впервые издал звук — короткое рычание. Его правая рука опустилась, защищая ногу.

Я добавил в челюсть.

Он пошатнулся.

Победа показалась близкой. Это было её единственным появлением за вечер.

Глеб поймал мой следующий удар, сжал кулак вместе с запястьем и швырнул меня в боковую дверь фургона. Металл прогнулся. Затылок встретился со стеклом. На языке появился вкус крови.

— Неплохо, — сказал он. — Для журналиста.

— Подпишешься на издание?

Он поднял меня за воротник. Ткань затрещала. Карта памяти упёрлась в ключицу.

Я нащупал за спиной ручку двери фургона и дёрнул её. Дверь распахнулась. Мы оба провалились внутрь, но Глеб остался на ногах. Я оказался среди коробок с офисной бумагой.

Он полез следом.

— Уютно, — сказал я. — Только потолки для тебя низковаты.

Глеб наклонился, чтобы войти. Я ударил его обеими ногами в грудь. В обычного человека такой толчок впечатал бы воздух вместе с убеждениями. Глеб лишь отступил на шаг.

Но его правая нога снова подвела.

Он ухватился за дверь. Я выскочил с другой стороны фургона и увидел на стене пожарный шкаф. Стекло уже было треснуто. Я разбил его локтем, выдернул огнетушитель и сорвал пломбу.

Глеб вышел из-за машины.

— Решил потушить конфликт? — спросил он.

— Наконец-то ты начинаешь понимать юмор.

Он прикрыл лицо рукой и пошёл прямо на меня.

Я нажал рычаг.

Белое облако ударило ему в голову и грудь. Глеб закашлялся, отвернулся, но продолжил идти. Я отбросил огнетушитель и сместился к колонне.

Из белой пыли вынырнул огромный кулак.

Я уклонился. Костяшки снова встретились с бетоном. На этот раз Глеб дёрнул рукой. Пальцы не сломались, но желание пользоваться ими заметно уменьшилось.

Я ударил по больному колену, затем в корпус и под подбородок. Он ответил вслепую. Кулак прошёл рядом, плечо задело меня и развернуло.

Глеб схватил полу пальто.

Я выскользнул из него, оставив одежду в его руках. Под пальто был свитер, разрезанный у воротника, и карта памяти, зашитая под подкладкой, на секунду показалась в прорехе.

Глеб увидел её.

— Нашёл, — сказал он.

— Поздравляю. Зрение вернулось первым.

Он бросил пальто и шагнул ко мне. Я отступил к въездной рампе. За спиной натянулась красно-белая цепь, перекрывавшая ремонтную зону.

Глеб ударил правой.

Я нырнул под руку, пропустил его мимо и дёрнул цепь вверх. Она легла ему поперёк груди. Он порвал пластиковое крепление, но потерял полшага. Я подсёк больную ногу и толкнул в спину.

Глеб упал на ладони.

Весь гараж вздрогнул.

Я навалился сверху, прижал его повреждённую руку коленом и перехватил ворот куртки. Даже лежащий, он оставался слишком большим. Спина подо мной напряглась. Ещё секунда — и он поднял бы нас обоих.

Завыла пожарная сирена.

Лампы замигали. Из динамиков женский голос попросил немедленно покинуть здание. В дальней части парковки поднялась металлическая противопожарная штора.

Глеб перестал вырываться.

— Твоя подруга? — спросил он.

— Мы только познакомились. Я ещё не знаю, насколько она любит шумные развлечения.

— У тебя две минуты до охраны.

— У тебя одна, если хочешь уйти без объяснений.

Я отпустил ворот и отступил.

Глеб медленно поднялся. Белая пыль покрывала его волосы, лицо и куртку. Из носа текла кровь, правая рука распухла, ногу он берёт. Но глаза оставались спокойными.

— Мы ещё увидимся, Ветров.

— Купи куртку по размеру. В следующий раз хочу узнать тебя сразу.

Он посмотрел на меня почти с уважением.

— Теперь я понимаю, почему Кравцов выбрал тебя.

— Какой Кравцов?

Глеб усмехнулся и исчез за противопожарной шторой.

Я поднял пальто. Оно было в пыли, воротник держался на честном слове, а честные слова в последнее время быстро заканчивались.

Софья появилась из белого облака через полминуты. Светлое пальто было расстёгнуто, волосы выбились из узла. В правой руке она держала маленький баллончик, в левой — телефон.

Она остановилась, увидев вмятую машину, открытый фургон, разбитый пожарный шкаф и меня.

— Где Морозов?

— Рад, что со мной всё в порядке.

— Если бы с вами всё было в порядке, парковка выглядела бы иначе.

— Это спорное предположение.

Она подошла ближе. Теперь я заметил маленькую родинку у левого уголка её рта. Вблизи Софья была ещё красивее, что в данных обстоятельствах казалось плохо замаскированной угрозой.

— У вас кровь, — сказала она.

— У второго участника больше.

— Вас было двое?

— Если считать по людям. По массе — трое с половиной.

Софья достала из кармана белый платок и коснулась моего виска. Пахнуло тем же горьковатым парфюмом. Её пальцы были прохладными и уверенными.

— Не двигайтесь.

— Я стараюсь. Пол иногда двигается первым.

— Сотрясение?

— Пока только знакомство.

— Со мной или со стеной?

— Стена была мягче.

Она улыбнулась. На этот раз по-настоящему, и мне стало ясно, что опасность не всегда выглядит опасной. Иногда она стоит слишком близко и промокает под дождём вместе с вами.

— Вы включили тревогу? — спросил я.

— Камеры погасли, дверь заблокировалась. Я поняла, что нас ждали. Охранника в будке не было.

— Ушёл покурить?

— Лежал в подсобке. Живой, без сознания.

— Значит, Глеб пришёл подготовленным.

— Глеб?

— Мы представились. Он воспитанный.

Софья убрала платок. На белой ткани осталось красное пятно.

— Нужно уходить.

— Сначала триста семнадцатый.

Дверь бокса открылась электронным пропуском. Внутри стояли старый стол, два пластиковых стула и металлический шкаф. Морозова не было. На столе лежал серый конверт, прижатый дешёвой пепельницей.

На конверте было написано моё имя.

— Он знал, что вы придёте, — сказала Софья.

— Или тот, кто устроил встречу, хотел, чтобы я так думал.

В конверте находились лист с банковскими переводами и старая фотография. Шесть мужчин в камуфляже стояли перед транспортным вертолётom. Снимок выцвел по краям. Лица остались различимыми.

Пятерых я не знал.

Шестой стоял в центре, положив руку на плечо молодого бойца. Высокий, сухой, с прищуром человека, привыкшего смотреть против солнца. На левой щеке тонкий шрам. На груди — жетон, номер которого я помнил до сих пор.

Под фотографией Морозов написал фамилии. Напротив каждой стояла дата смерти и сумма ежемесячного перевода.

Все шестеро официально погибли.

Все шестеро продолжали получать деньги.

Софья следила за моим лицом.

— Вы знаете человека в центре?

Я перевернул фотографию. На обороте стояла дата, сделанная три месяца назад.

— Его зовут Арсений Кравцов, — сказал я.

Имя отозвалось старой болью под рёбрами.

— Он был моим командиром.

— Был?

— Двенадцать лет назад Кравцов погиб во время операции. Я держал его, пока он умирал.

Софья посмотрела на снимок, потом снова на меня.

— Тогда у нас две возможности. Либо мёртвые получают деньги...

— Либо кто-то очень убедительно научился умирать.

Сирена продолжала выть. За стеной хлопнули двери, слышались голоса охраны.

Я спрятал фотографию и банковский лист под свитер.

— Вы доверяете мне? — спросила Софья.

— Нет.

— Хорошо. Я вам тоже.

— Кажется, это самые прочные отношения, которые у меня начинались за последние годы.

Она взяла меня за руку и потянула к запасному выходу.

— Тогда постарайтесь их не испортить в первые пять минут.

— Поздно. Я уже соврал вам дважды.

Софья остановилась.

— О чём?

Я открыл дверь на служебную лестницу.

— Расскажу, когда вы признаетесь, зачем на самом деле искали Морозова.

Красивые глаза стали холоднее.

— Вы действительно не умеете вовремя останавливаться.

— Поэтому вы меня и выбрали.

Мы побежали вверх, оставляя позади сирену, разгромленную парковку и человека, который назвал имя покойника раньше, чем увидел фотографию.